

А.В. ПИЛЬКО

НАТО И БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС 1958–1961 годов

Создание и развитие Организации Североатлантического договора (НАТО), анализ политики этого крупнейшего военно-политического объединения второй половины XX–начала XXI в. давно находится в центре научных интересов историков международных отношений. В годы “холодной войны” НАТО принимало непосредственное участие в противостоянии сверхдержав, находясь на “линии фронта” между Западом и Востоком в ключевом для мировой политики регионе – Европе. Сегодня Североатлантический альянс продолжает представлять собой существенный фактор международных отношений.

Цель работы – изучить реакцию НАТО (в частности, политическую и военную) на второй Берлинский кризис 1958–1961 годов. Для этого необходимо, прежде всего, отразить влияние событий вокруг Западного Берлина на Североатлантический блок, а также на политику Советского Союза; показать действия НАТО после перехода кризиса в активную фазу. Важен анализ политических шагов, предпринятых альянсом для нейтрализации кризиса, а также комплекса военных мер, которые НАТО планировало предпринять в случае возникновения в будущем аналогичной ситуации.

Берлинский кризис получил в отечественной историографии широкое освещение¹. Среди новейших работ отметим монографию А.М. Филитова и статью Р.В. Долгилевича².

Однако как советские, так и современные российские специалисты изучали в основном Берлинский кризис³, его причины и ход, последствия для отношений Востока и Запада. Мы же стремимся проследить, какое влияние события в Берлине оказали на блок НАТО как военно-политическую организацию.

Пилько Алексей Васильевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Галкин А.А., Мельников Д.Е.* СССР, западные державы и германский вопрос. М., 1966; *Высоцкий В.Н.* Западный Берлин и его место в системе современных международных отношений. М., 1971; *Акопов Г.М.* Западный Берлин. Проблемы и решения. М., 1974; *Абрасимов П.А.* Западный Берлин вчера и сегодня. М., 1980; *Тренин Д.В.* Политика США в отношении Западного Берлина. М., 1983; *Лысенко Б.Н.* Место и роль Западного Берлина в “германской концепции” политики ФРГ. М., 1990; *Кудряченко А.И.* Германский вопрос, 1945–1990. Киев, 1991.

² *Филитов А.М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941–1990). М., 2009; *Долгилевич Р.В.* Вопрос о статусе Берлина. 1944–1990 годы. – Новая и новейшая история, 2011, № 3.

³ Р.В. Долгилевич отмечает, что “сложность и острота проблемы Берлина не в последнюю очередь объяснялись разным пониманием статуса этого города Советским Союзом и его западными союзниками по войне против нацистского рейха”. С точки зрения США, Англии и Франции, “речь должна была идти обо всем Берлине, с точки зрения СССР – только о западной части города”. – *Долгилевич Р.В.* Указ. соч., с. 34.

Берлинская проблема широко освещалась в западной историографии. Можно упомянуть работы Д. Манке⁴, Х. Херцфельда⁵, Х. Герлаха⁶. Крупным исследованием, написанным современником кризиса с привлечением широкого круга источников, является монография швейцарского юриста А. Риклина “Берлинская проблема”⁷. Риклину удалось систематизировать официальные документы, являвшиеся правовой основой транзитного сообщения с Западным Берлином, и выстроить их внутреннюю взаимосвязь.

Среди современных работ историков ФРГ отметим книгу Г. Веттига “Хрущев и Берлинский кризис 1958–1963 годов: политика угроз и возведение Берлинской стены”⁸. Автор делает основной упор на роли личности Н.С. Хрущева, волюнтаристское решение которого о выдвижении ультиматума западным державам было принято без серьезных консультаций с министерством иностранных дел СССР. Мнение Веттига разделяет и А.М. Филитов⁹.

Остается открытым вопрос о хронологии второго Берлинского кризиса. Выдвигаются три основные ее версии: 1961 г. (то есть только “активная фаза” кризиса), 1958–1961 гг. (от “ультиматума Хрущева” до возведения стены), 1958–1963 гг. (версия Г. Веттига). Веттиг пишет: “от поздней осени 1958 г. до поздней осени 1963 г., с кульминационным пунктом – строительством стены в августе 1961 г. – и обостренной напряженностью в последующие месяцы” кризис находился в центре международных дел¹⁰. Однако германский исследователь объективно признает, что у кризиса “не было четкого окончания. Более того, он лишь перешел из острой фазы в латентную, когда советские действия менялись, но преследовали ту же цель, и завершился лишь в результате соглашения от 3 сентября 1971 г.”¹¹

Эту точку зрения поддерживает и А.М. Филитов, который отмечает, что “единственной реальной акцией (в отличие от вербальных деклараций), которая была предпринята в отношении Западного Берлина за все время кризиса, стало закрытие его границы с восточным сектором и прилегающей территорией ГДР 13 августа 1961 г. ... После этого сам кризис пошел на убыль”¹².

Таким образом, теоретически можно датировать второй Берлинский кризис 1958–1971 гг. Однако на практике такая датировка не применяется. При определении датировки мы руководствовались, прежде всего, влиянием событий вокруг Западного Берлина на Североатлантический альянс как военную и политическую организацию. С этой точки зрения основные выводы, сделанные НАТО после кризиса, следует разделить на политические и военные. Военная реакция альянса, в отличие от политической, началась с заметным запозданием. Разрабатывать возможные силовые контрмеры союзники стали лишь после августа 1961 г. К концу 1961 г. этот процесс был в основном завершен. Таким образом, с точки зрения реакции НАТО на Берлинский кризис правомочно говорить о “классической периодизации”: 1958–1961 гг.

Второй Берлинский кризис стал одним из переломных моментов в истории НАТО. Впервые со дня подписания Вашингтонского договора создалось положение, когда эта организация вполне могла стать участником вооруженного конфликта со своим вероятным противником – Советским Союзом. Если взять за основу хронологическую структуру кризиса, о которой говорит российский исследователь Р.А. Сетов, его участники

⁴ *Manke D.* Berlin im geteilten Deutschland. München–Wien, 1973.

⁵ *Herzfeld H.* Berlin in der Weltpolitik 1945–1970. Berlin–New York, 1973.

⁶ *Gerlach H.* Die Berlinpolitik der Kennedy Administration. Frankfurt.a.M., 1977.

⁷ *Riklin A.* Das Berlinproblem. Köln, 1964.

⁸ *Vetmig Г.* Н.С. Хрущев и Берлинский кризис 1958–1963 годов: политика угроз и возведение Берлинской стены. М., 2007.

⁹ *Филитов А.М.* Указ. соч., с. 239.

¹⁰ *Vetmig Г.* Указ. соч., с. 5.

¹¹ Там же.

¹² *Филитов А.М.* Указ. соч., с. 242.

в течение указанных трех лет прошли все его фазы – вплоть до пиковой, когда стороны “манипулируют военной силой и демонстрируют возможности ее применения”¹³.

Более того, эскалация сложившейся вокруг Западного Берлина ситуации осложнялась принципиально новой стратегической обстановкой, в корне отличавшейся от первых лет “холодной войны”. В 1957 г., после запуска советского спутника, стало понятно, что Москва обладает техническими средствами, способными доставить ядерный заряд на американскую территорию. Это означало, что США потеряли свою “неуязвимость”, которая ранее позволяла им брать на себя обязательства перед своими союзниками по НАТО нанести по СССР сокрушительный ответный удар в случае неприемлемых действий советского руководства. Применение на практике принятой в 1957 г. на вооружение НАТО доктрины “массированного возмездия”¹⁴ сразу же оказалось под большим вопросом.

Необходимость пересмотра такого радикального подхода, каким была стратегия “массового возмездия”, в НАТО понимали еще до начала второго Берлинского кризиса: в случае применения этой доктрины любой вооруженный инцидент мог молниеносно перерасти во всеобщую ядерную войну. После того как Советский Союз получил возможность нанести ядерный удар по территории США, в Вашингтоне все больше стали задумываться о необходимости пересмотра своих военно-стратегических концепций. Это было относительно просто сделать на национальном уровне, когда решение зависело от американского политического и военного руководства. В случае же, когда требовалось изменить доктрину такого многостороннего военно-политического союза как НАТО, даже с учетом ярко выраженного лидерства США в этой организации, все было не столь однозначно. В этом отношении Берлинский кризис 1958–1961 гг. помог сделать решительный шаг к изменению существовавших доктринальных положений. Таким образом, этот дипломатический конфликт, едва не переросший в военный, имел существенные последствия для формирования новых стратегических взглядов Североатлантического альянса, определивших его развитие на десятилетия вперед.

Со времени окончания Второй мировой войны по территории Германии пролегла линия противостояния между различными социально-экономическими системами, а несколько позднее – между двумя военными блоками – НАТО и Организацией Варшавского договора (ОВД). Германский вопрос был, без преувеличения, главным нервом “холодной войны”, ее барометром, чутко улавливающим различные повороты в политике сверхдержав. Со второй половины 1950-х годов политика СССР – основного вероятного противника стран альянса – на этом направлении резко активизировалась, поскольку вступление ФРГ в Североатлантический блок, а также наличие открытых границ с Западным Берлином, уменьшало преимущества, которыми обладала Москва.

Советское дипломатическое наступление в германском вопросе началось в ноябре 1958 г. Правительство СССР направило ноты правительствам США, Великобритании, Франции, ФРГ. В них западные державы обвинялись в отходе от Потсдамских договоренностей. Подчеркивалось, что “из всех союзнических соглашений о Германии выполняется лишь одно: соглашение о так называемом четырехстороннем статусе Берлина”. В силу этого Москва денонсировала трехстороннее соглашение о зонах оккупации Германии и об управлении Берлином от 12 сентября 1944 г. и связанное с ним дополнительное соглашение о контрольном механизме в Германии от 1 мая 1945 г. В официальном заявлении также говорилось: “Тот, кто грубо нарушил... [Потсдамские] соглашения, тот потерял право для сохранения своих оккупационных порядков в Берлине”. Таким образом, был поставлен вопрос о превращении Западного Берлина в самостоятельную административную единицу – вольный демилитаризованный город¹⁵. При этом

¹³ *Сетов Р.А.* Международный конфликт и кризис: понятийный аппарат и аналитические позиции. – Основы общей теории международных отношений. М., 2009, с. 481.

¹⁴ NATO Archive, MC 14/2, MC 48/2.

¹⁵ Правда, 28.XI.1958.

определялся шестимесячный срок, в течение которого западные державы должны были определиться с ответом на советские предложения.

После обострения ситуации вокруг Западного Берлина для Запада на повестке дня встал вопрос о реакции на нее. Требовалось выработать единую позицию для ответа на советский дипломатический “укол”, который, при неблагоприятном стечении обстоятельств, мог вылиться в военный конфликт. Оптимальной площадкой для проведения многосторонних консультаций между союзниками стал Североатлантический альянс. Его механизмы позволяли после проведения закрытых переговоров между членами НАТО (во время которых, конечно, проявлялись разногласия) выходить на международную арену с общей политической линией.

Создавшееся в берлинском вопросе положение рассматривалось в декабре 1958 г. на министерской сессии Совета НАТО¹⁶. В итоге в январе 1959 г. разработка ответа на советскую ноту была поручена постоянной рабочей группе. Она предложила созвать совещание министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции для обсуждения германского и западноберлинского вопросов. 2 марта 1959 г. Советский Союз подтвердил желание участвовать в таком совещании, предложив, со своей стороны, привлечь к нему Польшу, Чехословакию и оба германских государства. Помимо этого, СССР несколько смягчил свои первоначальные предложения: выразил готовность подписать мирные договоры отдельно с ГДР и ФРГ, а также оставил возможность для нахождения иностранных войск в Западном Берлине на определенный срок. Но одновременно с этим советские предложения содержали в себе ультиматум: СССР заявил, что в случае их не принятия он подпишет отдельный договор с Германской Демократической Республикой. В ходе последующих переговоров между СССР, США, Великобританией и Францией было достигнуто соглашение о созыве совещания в Женеве для обсуждения путей решения этой международной проблемы.

Женевское совещание, на котором обсуждался германский вопрос (включая и его западноберлинский аспект), открылось 11 мая 1959 г. и продолжалось с перерывом до 5 августа 1959 г.¹⁷ Позиция советской делегации заключалась в следующем: предлагалось заключить временное соглашение по Западному Берлину, рассчитанное на определенный период. Это соглашение могло включать в себя договоренность по трем ключевым вопросам: о сокращении оккупационных войск западных держав в Берлине до символических контингентов; о прекращении подрывных действий из Западного Берлина против ГДР; о неразмещении на территории Западного Берлина ядерного и ракетного оружия¹⁸.

Помимо решения вопроса о временном соглашении по Берлину, советская позиция предусматривала предложения по германскому мирному урегулированию. В заявлении министра иностранных дел СССР А.А. Громыко говорилось о необходимости того, чтобы “два германских государства создали на паритетных началах из представителей ГДР и ФРГ Общегерманский комитет. В задачи комитета входило бы расширение и развитие контактов между двумя германскими государствами, разработка конкретных мероприятий по объединению Германии, а также рассмотрение вопросов, связанных с подготовкой и заключением мирного договора с Германией”¹⁹.

Советский Союз всеми силами стремился добиться международного признания ГДР. Москва исходила из того факта, что на территории Германии существуют два независимых государства, и на этой платформе предлагала приступить к объединению на приемлемых для нее условиях. Таковыми были, прежде всего, выход объединенной Германии из Североатлантического альянса и ее последующая нейтрализация. В этом случае развитие событий приводило к значительному ухудшению стратегических по-

¹⁶ NATO Final Communiqué, 16–18.XII.1958.

¹⁷ Его участниками были, помимо СССР, США, Великобритании и Франции, оба германских государства – ГДР и ФРГ.

¹⁸ Правда, 29.VI.1959.

¹⁹ Там же.

зий НАТО в Центральной Европе в целом, не говоря уже о потерях в военном плане (не следует забывать, что западногерманский бундесвер был ядром объединенных сил альянса в Европе, и компенсировать образовавшийся в центре региона вакуум было бы крайне сложной задачей).

Страны НАТО, со своей стороны, выступили с единым “планом Гертера”, согласно которому предлагалось воссоединить Германию еще до подписания мирного договора. В нем говорилось о необходимости проведения общегерманских выборов для определения политического будущего страны; ее нейтрализация по образцу Финляндии или Австрии полностью исключалась. Исходя из численности населения Восточной и Западной Германии, было понятно, что при реализации этого сценария произойдет поглощение ГДР Федеративной Республикой. Относительно Западного Берлина план предусматривал его объединение с Восточным и распространение оккупационного режима на весь Берлин.

Конкретного решения о будущем Германии в Женеве так и не было принято. Слишком уж разными были подходы сторон к решению этой сложнейшей международной проблемы. Как СССР, так и западные державы отстаивали при этом свои собственные геополитические интересы. Государства, входящие в Североатлантический альянс, следуя принятой в декабре 1955 г. доктрине Хальштейна, отказывались признавать ГДР, считая территорию Восточной Германии оккупированной территорией единой Германии, законным представителем которой могло быть, по их мнению, только правительство ФРГ²⁰.

Непризнание Германской Демократической Республики гарантировало сохранение существующего в Европе положения, прочную интеграцию Западной Германии в Североатлантический альянс и присутствие натовских войск на территории ФРГ. Одновременно удобная стратегическая позиция Западного Берлина предоставляла широкие возможности для ведения пропаганды и психологической войны против Организации Варшавского Договора – основного противника НАТО.

Ситуация, тем временем, продолжала обостряться. 4 февраля 1960 г. в Москве состоялось совещание Политического консультативного комитета Варшавского договора. В декларации, опубликованной по его итогам, политика Бонна в германском вопросе подверглась жесткой критике: “Правительство ФРГ... доходит до того, что выдвигает требования о присоединении Западного Берлина... к Западной Германии, а коль скоро это неосуществимо, оно предпочитает сохранить там оккупационный режим”²¹. Одновременно, вероятно, с целью смягчить общую позицию социалистических стран, правительство ГДР заявило 10 февраля 1960 г. о возможности подписания странами антигитлеровской коалиции мирного договора только с ФРГ, если они по какой-либо причине не смогут сделать этого с ГДР²².

В связи с обострением ситуации вокруг Западного Берлина в НАТО росли опасения относительно возможности проведения Советским Союзом ограниченной военной операции либо против Западного Берлина, либо против Западной Германии с целью добиться от нее уступок. Сложно сказать, насколько они были обоснованными. Но логика существования военно-политического союза заставляла считаться с любыми, даже

²⁰ Внешнеполитическая доктрина, названная по имени статс-секретаря МИД ФРГ В. Хальштейна, была принята на совещании послов ФРГ в декабре 1955 г. в Бонне. Цель доктрины Хальштейна – установление дипломатической блокады ГДР; она предусматривала поддержание дипломатических отношений ФРГ только с теми государствами, которые не имеют дипломатических отношений с ГДР. Установление каким-либо государством дипломатических отношений с ГДР объявлялось “недружественным актом” по отношению к ФРГ и служило поводом для политических и экономических санкций с ее стороны. В 1967 г. правительство ФРГ было вынуждено пойти на модификацию доктрины, отказавшись от применения ее к социалистическим странам. В феврале 1970 г. министерство иностранных дел ФРГ заявило об отмене доктрины Хальштейна.

²¹ Правда, 5.II.1960.

²² Neues Deutschland, 11.II.1960.

гипотетическими угрозами. Наиболее вероятной в отношении Западного Берлина и Западной Германии натовским аналитикам представлялась “ограниченная агрессия” со стороны стран Варшавского договора. В связи с этим 13 июня 1961 г. в меморандуме для Военного комитета НАТО сообщалось о проекте создания специальных мобильных сил, подчиненных объединенному командованию НАТО в Европе.

В их состав планировалось включить по усиленному батальону со стороны США, ФРГ, Великобритании и Бельгии, а также английские, канадские, бельгийские и нидерландские военно-воздушные подразделения. Эти силы должны были подчиняться непосредственно командующему силами альянса в Центральной Европе. Отмечалось, что они “имеют цель, прежде всего, продемонстрировать солидарность НАТО своим прибытием до начала боевых действий в любую часть страны НАТО, которая находится под угрозой проникновения врага, вторжения или ограниченной враждебной акции... тем не менее, они не будут задействованы, если всеобщая война окажется неизбежной”. Инициатива создания мобильных сил получила продолжение позднее, однако она столкнулась с определенными трудностями. Постоянная группа Военного комитета НАТО докладывала Генеральному секретарю НАТО 17 августа 1961 г. об отказе Франции участвовать в мобильных силах и о том, что свои авиаподразделения так и не предоставила Канада²³.

8 августа 1961 г. на специальной сессии Североатлантического альянса были утверждены новые меры по укреплению сил НАТО на предполагаемом Центральном театре военных действий. В Центральную Европу перебрасывались дополнительные контингенты войск США²⁴. Конечно, усиление американского военного присутствия в ФРГ имело скорее пропагандистский характер, ибо оно не могло компенсировать в военном плане превосходство советской группировки. Но, вместе с тем, это была пусть и символическая, но демонстрация готовности США выполнить союзнические обязательства перед партнерами по альянсу.

В начале августа 1961 г. правительства стран-участниц Варшавского договора обратились к Народной палате ГДР с предложением установить новый порядок на границах Западного Берлина. В заявлении, обосновывающем необходимость принятия срочных мер, говорилось: “Западные державы не только не предпринимали усилий по нормализации положения в Западном Берлине, но продолжают усиленно использовать его в качестве центра подрывной деятельности против ГДР и всех других стран социалистического содружества”²⁵. В результате в ночь на 13 августа 1961 г. между восточной и западной частями Берлина появилась стена и контрольно-пропускные пункты.

Подчеркнем, что положение Западного Берлина после событий августа 1961 г. в значительной степени ухудшилось. Прекращение свободного сообщения между западной и восточной частями города привело к уменьшению его стратегической ценности в глазах НАТО. Как справедливо отмечает В.Н. Высоцкий, “в результате мероприятий 13 августа 1961 г. Западный Берлин утратил ряд своих прежних функций”, а именно: его нельзя было больше использовать для осуществления нелегальной миграции из Восточной Германии в Западную, для вербовки нужных технических специалистов. В меньшей степени он уже годился и для разведывательных операций”²⁶.

Сохранение этого берлинского анклава под западным контролем имело уже не военную, а скорее идеологическую ценность. Западный Берлин активно эксплуатировался в качестве символа “свободного мира” в глубине контролируемой Советским Союзом территории. Об этой новой роли Западного Берлина говорил, в частности, государственный секретарь США Д. Раск: “Они [коммунисты] возвели стену... не против Запада... они возвели стену для того, чтобы остановить поток жителей Восточной Германии

²³ NATO Archive, SGM-448-61, p. 1–2.

²⁴ Dokumentation zur Deutschlandfrage. Von der Atlantik – Charta 1941 bis zur Berlin – Sperre 1961, H. II. Bonn–Wien–Zürich, 1961, S. 662.

²⁵ Правда, 14.VIII.1961.

²⁶ Высоцкий В.Н. Указ. соч., с. 26.

и Восточного Берлина, которые хотели уйти на Запад... Она [стена] является великим символом того концентрационного лагеря, который они [коммунисты] должны построить для того, чтобы пресечь стремление своего собственного народа к свободе”²⁷. Присутствие сил НАТО в этом анклав было своеобразным “залогом” Запада, демонстрацией готовности сохранить свой контроль над Западным Берлином.

Помимо жесткого демонстративного демарша, действия стран НАТО распределялись по двум направлениям. Первое можно назвать дипломатическим. Оно представляло собой проведение регулярного обмена мнениями между представителями США и СССР по поводу сложившегося положения и поиск взаимоприемлемого компромисса.

Второе имело военно-стратегический характер. Оправившись от шока, вызванного активной фазой кризиса, и убедившись, что к таким сценариям развития ситуации на международной арене необходимо готовиться заранее, НАТО приступило к разработке целой серии детальных военных планов, предназначенных к использованию в будущем.

Основная нагрузка по политическому диалогу с Советским Союзом пришлось на американскую дипломатию, которая пыталась сбить чересчур “эмоциональный” настрой ФРГ и договориться с Москвой хотя бы об общих принципах поведения в германском вопросе. Следует отметить, что двусторонние контакты между СССР и США по западноберлинскому вопросу были инициативой Москвы и Вашингтона, которые несли на себе, в качестве лидеров двух крупнейших военно-политических блоков, особые обязательства. Как писал по этому поводу Г. Веттиг, «из четырех держав в Берлине только две сверхдержавы были в состоянии решать вопросы войны и мира и оказывать определяющее влияние на ход кризиса. Франция и Англия “играли во второй лиге”, а германские государства не обладали никакими правовыми основаниями для самостоятельных действий»²⁸.

Ни Североатлантический альянс, ни Организация Варшавского договора официально не делегировали таких полномочий американскому и советскому руководству. В случае с Советским Союзом, учитывая специфику межсоюзнических отношений в ОВД, такая ситуация не привела к негативным последствиям. Однако в НАТО прямые советско-американские переговоры стали причиной увеличения конфликтного потенциала между США и ФРГ.

Осенью 1961 г. начался обмен мнениями между СССР и США по германской проблеме. В сентябре 1961 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко встретился с государственным секретарем США Д. Раском в Нью-Йорке для обсуждения международных проблем, в частности западноберлинского вопроса. С января по март 1962 г. переговоры о германском мирном урегулировании велись в Москве с американским послом Л. Томпсоном и в Вашингтоне с советским послом А.Ф. Добрыниным. При этом американская сторона не исключала возможность заключения компромиссного соглашения, устраивающего обе стороны. Так, специальный представитель президента США Ч. Боулс 16 января 1962 г. заявил: “Окончание Берлинского кризиса трудно предвидеть. Для того чтобы снизить опасность прямого столкновения, необходимо новое соглашение, которое обеспечит будущее Западного Берлина”²⁹.

В целом позиция США в берлинском вопросе была гораздо умеренней западногерманской. Единственное, что Вашингтон решил отстаивать жестко, – сохранение связей западной части города с внешним миром. Ввиду ряда инцидентов в воздушных коридорах над территорией ГДР³⁰, когда обе стороны “прощупывали” решимость друг друга, государственный департамент США неоднократно делал заявления о намерении США, в случае необходимости, силой отстаивать право доступа в западноберлинский анклав³¹.

²⁷ Department of State Bulletin, 29.I.1962, p. 166–167.

²⁸ Веттиг Г. Указ. соч., с. 6.

²⁹ Department of State Bulletin, 12.II.1962, p. 252.

³⁰ Веттиг Г. Указ. соч., с. 219–224.

³¹ Department of State Bulletin, 5.III.1962, p. 370.

В Западный Берлин прибыл американский генерал Клэй, выступавший за силовое решение берлинской проблемы³².

С другой стороны, США не желали силой восстанавливать статус-кво, разрушая стену в Берлине; они публично отрицали военную ценность Западного Берлина: “[Западноберлинский гарнизон] не имеет никакой военной значимости в силу огромной численности русских войск... в Восточной Германии. Предметом является лишь... наше присутствие в Берлине и доступ к нему”³³.

США сосредоточили основные дипломатические усилия на том, чтобы убедить Советский Союз в целесообразности создания международного органа для обеспечения доступа в западную часть Берлина. В заявлении государственного департамента США от 3 марта 1962 г. говорилось: “Одной из областей в мире, где существует серьезная опасность столкновения между советскими и западными вооруженными силами, являются маршруты доступа в Берлин, в случае, если будет предпринята попытка заблокировать доступ в город”. С целью недопущения развития потенциально крайне опасного конфликта, предлагалось “установить по соглашению между Соединенными Штатами, Великобританией, Францией и Советским Союзом международный орган для управления доступом между Западной Германией и Западным Берлином”³⁴. Президент США Дж. Кеннеди 25 ноября 1961 г. в интервью главному редактору газеты “Известия” А.А. Аджубею впервые сделал предложение международных гарантий доступа к Западному Берлину³⁵.

Восточногерманское правительство отвергло идею создания такого органа, который получал бы определенные права на ее территории. В интервью председателя Государственного совета ГДР В. Ульбрихта главному редактору газеты “Правда” П.А. Сатюкову было сказано: “предложения о том, чтобы практически передать международному органу право распоряжаться важными коммуникациями ГДР, я, конечно, не могу принять всерьез... Не может быть никакого сомнения в том, что при урегулировании вопроса о доступе в Западный Берлин неизбежным является признание суверенитета Германской Демократической Республики и что этот доступ должен служить лишь мирным целям. Следовательно, не может быть и речи о том, чтобы обеспечить доступ к военной базе НАТО в Западном Берлине”³⁶. Однако согласие ГДР с тем, чтобы такой орган выполнял функции арбитра в случае возникновения споров по вопросу о транзите, было все же получено.

Советско-американские контакты, направленные на поиск возможного решения западноберлинской проблемы, вызывали резкое противодействие со стороны ФРГ. Как писал исследователь второго Берлинского кризиса Д. Манке, “в Западной Германии и Западном Берлине возникло... чувство, что этой консолидации статус-кво нужно помешать”³⁷. Определенную поддержку ФРГ в западноберлинском вопросе оказала Франция, преследовавшая свои внешнеполитические цели. Бонн и Париж выражали недоверие советско-американским переговорам; действия американцев, направленные на достижение компромисса с Советским Союзом, наталкивались на противодействие двух европейских союзников США – ФРГ и Франции³⁸. Канцлер ФРГ К. Аденауэр воспринимал как катастрофу отказ от принципиальной позиции НАТО в германском вопросе, а президент Франции Ш. де Голль вообще отказался обсуждать какие-либо изменения, связанные с этим вопросом³⁹.

³² Абрахимов П.А. Указ. соч., с. 48; Кайдерлинг Г., Штульц П. Берлин: 1945–1975. М., 1976, с. 349–351; Книга фактов о подрывной деятельности из Западного Берлина против социалистических стран. М., 1962.

³³ Department of State Bulletin, 30.VII.1962, p. 179.

³⁴ Ibid., 19.III.1962, p. 463.

³⁵ Известия, 25.XI.1961.

³⁶ Правда, 7.V.1962.

³⁷ Manke D. Berlin im geteilten Deutschland. München–Wien, 1973, S. 69.

³⁸ Foreign Relations of the United States. 1961–1963, v. XIV, p. 588–634, 650–681.

³⁹ Steininger R. Der Mauerbau. Die Westmächte und Adenauer in der Berlinkrise 1958–1963. München, 2001, S. 318–324.

Таким образом, к концу 1961 г. сложилась ситуация, которая представляла значительный риск для НАТО как организации. Стремление Кеннеди к соглашению с СССР оспаривалось ФРГ и Францией, которые открыто выражали свое несогласие с политикой Вашингтона. Это “потенциально ставило под вопрос единство западного альянса, а без него США не могли обойтись в борьбе с СССР”⁴⁰.

Правительство Западной Германии даже пошло на не совсем этичный с точки зрения норм дипломатии шаг. В апреле 1962 г. в ходе неофициального советско-американского обмена мнениями США подготовили ряд предложений по смягчению напряженности. Они сводились к следующему: принятию США и СССР взаимных обязательств, способных помешать дальнейшему распространению ядерного оружия; обмену декларациями о ненападении между НАТО и ОВД; учреждению комитетов для осуществления технических контактов между двумя германскими государствами с равным представительством ФРГ и ГДР; созданию международного органа по наблюдению за сообщением между Западным Берлином и ФРГ⁴¹.

Однако еще до официального внесения этих предложений американской стороной, в Бонне ради достижения своих целей предали их гласности. Затем в ФРГ развернули в прессе кампанию по поводу вероломства правительства США, готового пойти на сделку за спиной Западной Германии. Особенное возмущение правительства ФРГ вызывали те пункты, которые предусматривали установление контактов между двумя германскими государствами⁴². Аденауэр заявлял, что они неприемлемы и давал понять, что он в принципе категорически возражает против переговоров по вопросу о статусе Западного Берлина.

В мае 1962 г. позицию ФРГ осудил президент Кеннеди, заявив, что западногерманское руководство избрало “не лучший способ подготовки переговоров”. Президент США высказал крайнее неудовлетворение тем, что “западные предложения становятся известными общественности прежде, чем они предложены Советам”⁴³.

В США были крайне раздражены реакцией Западной Германии. На пресс-конференции Кеннеди заявил: “Мы никогда не слышали от германского правительства, от канцлера Аденауэра, что переговоры не должны продолжаться. Эти переговоры будут продолжаться... Когда настанет трудный час, главное бремя ответственности падет на Соединенные Штаты и от них ожидают главных акций... Поэтому я считаю, что у нас есть некоторое право, по крайней мере, изучать возможности в поисках более приемлемых решений”⁴⁴. Несмотря на заверения Вашингтона в том, что переговоры США с Советским Союзом преследуют цель выявить сферы возможной договоренности, в Бонне и отчасти в Париже не стихали протесты по поводу “предательства Америки”. В Североатлантическом союзе намечался определенный раскол по вопросу о Западном Берлине.

Попытки правительства ФРГ диктовать Вашингтону внешнеполитический курс в германском вопросе зашли столь далеко, что правительство США потребовало отзыва из Вашингтона посла ФРГ В. Гreve. В апреле – мае 1962 г. отношения между США и ФРГ были весьма напряженными. Затем обстановка несколько разрядилась. В конце июня 1962 г. журнал “Стейтсмен” писал: “В американо-западногерманских отношениях преодолено состояние полного непонимания, которое наблюдалось в апреле, но подозрение, с которым западногерманский канцлер относится к правительству Кеннеди, по-прежнему велико”⁴⁵. Для улучшения отношений с ФРГ Кеннеди совершил в июне 1963 г. поездку в Бонн и Западный Берлин. Тем не менее, даже после своей отставки Аденауэр

⁴⁰ *Bemmel G.* Указ. соч., с. 211.

⁴¹ Foreign affairs, 1963, January – March, p. 264–265.

⁴² Die Welt, 16.IV.1962.

⁴³ Die Welt, 11.V.1962.

⁴⁴ Newsweek, 21.V.1962.

⁴⁵ Statist, 07.1962, p. 7.

заявлял, что отношения между США и ФРГ находятся в кризисе из-за американской позиции по берлинскому вопросу⁴⁶.

Продолжая оказывать давление на западные державы, правительство СССР приняло решение 22 августа 1962 г. упразднить комендатуру советского гарнизона в Берлине. Это вызвало, в свою очередь, резкую реакцию стран НАТО, которые выразили свою позицию в трехстороннем заявлении 23 августа: “Советское правительство объявило о ликвидации... советской комендатуры в Берлине. Правительства Соединенных Штатов, Великобритании и Франции с беспокойством отмечают, что в момент, когда в Берлине усиливается напряженность... Советское Правительство пытается в одностороннем порядке подорвать существовавшую в течение долгого времени четырехстороннюю ответственность и ее механизм в городе... Вполне ясно, что эти односторонние шаги не могут иметь никакого влияния как на права союзников, так и на советскую ответственность в Берлине”⁴⁷.

Продолжавшиеся во второй половине 1962 г. и в 1963 г. советско-американские переговоры о нормализации положения в Западном Берлине не дали результатов. Стороны многократно обменивались нотами протеста, возлагая друг на друга вину за сложившееся положение. СССР обвинял западные державы в превращении Берлина в “прифронтовой город”⁴⁸. Запад, в свою очередь, заявлял, что причиной многочисленных инцидентов является возведенная в Берлине стена⁴⁹.

Интересен факт, что помимо советско-американских переговоров, а также попыток ФРГ оказать на них влияние, в определенный момент имели место и самостоятельные попытки Западного Берлина найти возможность диалога с ГДР и СССР. Свидетельством тому была как несостоявшаяся встреча советского лидера Н.С. Хрущева с правящим бургомистром Западного Берлина В. Брандтом в январе 1963 г., так и ряд публичных заявлений, сделанных руководителем ведомства печати и информации западно-берлинского сената Э. Баром (“тезисы Тутцинга”) и западно-берлинским сенатором по внутренним делам Г. Альбертцом⁵⁰.

В целом Берлинский кризис стал серьезным испытанием для НАТО как многостороннего союза. Помимо всего прочего, он ярко продемонстрировал то, что в политическом плане альянс реагирует на события гораздо оперативнее, чем в военном. С момента начала интенсивных переговоров по германскому вопросу в 1958 г. до резкого обострения событий в августе 1961 г. страны НАТО следовали общей, выработанной ими еще в декларации 1959 г. позиции.

Однако возможность перехода дипломатического конфликта в прямое военное столкновение застала альянс врасплох. С некоторым запозданием НАТО приступила к выработке серии военных планов, которые позволили бы альянсу иметь более широкий спектр мер силового воздействия на оппонента в случае повторения ситуации 1961 г. По своей сути это означало начало революционного, в военно-стратегическом смысле, перехода альянса к использованию на практике доктрины “гибкого реагирования” и окончательному отказу от концепции “массированного возмездия”.

Основным апологетом такого шага были, конечно, США. Второй Берлинский кризис предоставил Вашингтону уникальную возможность сделать в рамках Североатлан-

⁴⁶ Die Welt, 4.XI.1963.

⁴⁷ Department of State Bulletin, 10.IX.1962, p. 377–378.

⁴⁸ В задачи нашего исследования не входит подробный анализ хода переговоров по западно-берлинскому вопросу. Об этом см.: *Абрасимов П.А.* Указ. соч. 46–56; *Болдырев В.Н.* Западный Берлин и европейская безопасность. М., 1973; *Филитов А.М.* Указ. соч., с. 239–275; *Веттинг Г.* Указ. соч., с. 200–244.

⁴⁹ Оказывая давление на СССР, страны НАТО делали особый упор на негуманные действия властей ГДР против лиц, пытавшихся нелегально перебраться на территорию Западного Берлина. – Department of State Bulletin, 10.IX.1962, p. 378–379; 15.X.1962, p. 558–559.

⁵⁰ См.: *Долгилевич Р.В.* Советская дипломатия и Западный Берлин. 1963–1964 годы. По материалам архива МИД РФ. – Новая и новейшая история, № 4, 2007.

тического блока то, что он уже сделал на национальном уровне – принять на вооружение более реалистичную военную доктрину, которая обеспечивала бы НАТО более гибким и разносторонним инструментарием, который можно было бы использовать в кризисных ситуациях.

Прежде всего, альянс попытался дать детальную оценку произошедшим событиям и предпринятым НАТО мерам военного характера. Берлинский кризис рассматривался натовскими стратегами как наиболее вероятная причина возникновения в будущем в Европе военного конфликта между двумя противостоящими блоками⁵¹. Как отмечалось в натовском меморандуме от 27 февраля 1962 г., “Советы, учитывая, что безопасность этого региона крайне важна для альянса, будут продолжать использовать каждую возможность для того, чтобы подорвать западную солидарность... и внести разлад в НАТО в целом, а также распылить военные силы альянса... путем эксплуатации германского вопроса”⁵².

28 ноября 1961 г. появился закрытый доклад Военного комитета НАТО о военной деятельности Североатлантического альянса: “В ответ на требования военного руководства НАТО в свете Берлинского кризиса большинство стран [альянса] предприняли меры, которые, в своей совокупности, несколько усилили боеспособность сил НАТО и улучшили их непосредственное военное положение”. В тоже время, доклад выявлял “сохраняющиеся серьезные упущения и недоработки. Пока они не будут преодолены, способность сил НАТО решать возложенные на них задачи... остается под вопросом и вклад этих сил в общую систему сдерживания не будет полностью эффективным”⁵³.

Среди положительных моментов в докладе выделялось, во-первых, увеличение численности и оперативной готовности подразделений. Во-вторых, интеграция систем противовоздушной обороны в Центральной Европе: объединение истребительного командования Великобритании с объединенным командованием в Европе, соглашение об участии Дании в объединенной противовоздушной обороне, техническое соглашение о координации французской национальной противовоздушной обороны с интегрированной системой НАТО. В-третьих, заключение двустороннего соглашения о предоставлении ядерного оружия частям французских военно-воздушных сил (ВВС), дислоцированных в Германии. В-четвертых, учреждение объединенного датско-западногерманского командования на Балтике, подчинившего одному центру все сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы в этом регионе⁵⁴.

Были отмечены и весомые недостатки: отсутствие согласованных действий французского военно-морского флота и сил НАТО в Средиземном море и недостаточная численность сухопутных сил, частей поддержки и военной инфраструктуры⁵⁵. Особую тревогу вызывал возможный вывод национальных контингентов из состава интегрированных вооруженных сил НАТО в Европе, даже если вывод национальных воинских контингентов из под общего командования НАТО был временной мерой, как это было с Великобританией и Бельгией⁵⁶. По итогам Берлинского кризиса для координации действий вооруженных сил НАТО в Европе и подготовки возможных сценариев реагирования на чрезвычайные ситуации был проведен ряд военных учений.

Планирование военного ответа в случае обострения ситуации вокруг Западного Берлина заранее ставило НАТО в невыгодные условия: превосходство ОВД в обычных вооруженных силах было значительным. Так, 3 августа 1962 г. в меморандуме Военного комитета НАТО, посвященном планированию операций в случае возникновения

⁵¹ NATO Archive, MCM-122-62. Enclosure 1, p. 4, 18–19; SGM-681-61 REV, p. 6.

⁵² Ibid., SGM-681-61, REV, p. 6.

⁵³ Ibid., MC 5/16 DRAFT, p. 3–4.

⁵⁴ Ibid., p. 4–5; MC 5/17 DRAFT, p. 5.

⁵⁵ Ibid., p. 5–7.

⁵⁶ В июле–августе 1961 г. правительства Великобритании и Бельгии временно переподчинили национальным командованиям британскую авианосную группу и часть 1-го бельгийского корпуса. – Ibid., p. 20.

непредвиденных обстоятельств в Берлине, говорилось: “Никакие военные меры сами по себе не могут вновь открыть доступ в Берлин для Запада, если Советы будут адекватно противостоять им”⁵⁷. Единственным действенным аргументом для Москвы была, по мнению натовских аналитиков, лишь готовность альянса к всеобщей ядерной войне: “Никакая из военных операций, предпринятых НАТО, не будет убедительной... если ей не будет предшествовать, и она не будет сопровождаться действиями... по развертыванию предупредительных мер, ведущих к полной готовности к всеобщей войне”⁵⁸. Но все же “ядерный сценарий” считался крайней мерой. Планы “безъядерного” поведения в случае возникновения военного конфликта позволяли сохранить определенный шанс (хотя бы и минимальный) на то, чтобы избежать широкомасштабного применения оружия массового уничтожения. Таким образом, военное планирование, предусматривающее использование НАТО только обычных вооружений, все же имело смысл даже в условиях превосходства вероятного противника.

Планы альянса, связанные с возможным возникновением чрезвычайной ситуации в Берлине, делились на четыре категории. К первой были отнесены действия ВВС. По мнению Военного комитета НАТО, действия ВВС имели ряд преимуществ: не влекли за собой захват территорий стран-участниц Варшавского договора и содержали небольшой риск непреднамеренной эскалации кризисной ситуации. Однако с помощью ВВС можно было добиться лишь первоначального успеха; сохранять ограниченный характер военных действий и предотвратить их возможную эскалацию – вплоть до ядерной войны было бы нелегко⁵⁹.

Для того, чтобы понять, как представлялись западным военным аналитикам возможные сценарии развития кризиса, рассмотрим конкретные разработки НАТО. План “Беркон Альфа 1” предусматривал применение максимально возможного эскорта истребителей для защиты транспортных самолетов НАТО в рамках берлинских воздушных коридоров. Им предоставлялось право атаковать любые советские самолеты и батареи противовоздушной обороны, которые предпримут атакующие действия против авиации западных держав. В качестве достоинств этой операции отмечались ее ограниченный характер и, в силу незначительного числа участвующих подразделений, небольшие потери, которые не могли повлиять на силы, предназначенные для всеобщей войны. Однако в НАТО хорошо понимали и возможные слабости этого плана: “Эта операция может столкнуться с противодействием превосходящих советских сил вскоре после ее начала и будет происходить в воздушном пространстве, прочно контролируемом Советами. Следовательно, эта операция может привести к столкновениям на тактически проигрышных условиях и... вовлечь НАТО в более масштабные воздушные операции”⁶⁰.

Видимо, учитывая это обстоятельство, появился улучшенный вариант действий НАТО в виде плана “Беркон Альфа 2”. Он заключался в генеральном воздушном сражении с использованием обычных вооружений. Его целью представлялось достижение и поддержание в течение критического периода локального превосходства ВВС НАТО над территорией Восточной Германии. С этой целью предусматривалось нападение на советские и восточно-германские аэродромы и батареи противовоздушной обороны, а также на ряд объектов, расположенных на территории других стран ОВД. Преимуществом плана “Беркон Альфа 2” признавалась возможность захвата господства в воздухе и, следовательно, уменьшение способности вооруженных сил СССР и ГДР проводить наступательные операции. Однако западные военные аналитики видели и недостатки этого плана: “Значительное количество привлекаемых к этой операции сил может привести к тому, что Советы не поймут ее направленность... [это] возможно, ускорит... советскую реакцию, выходящую за пределы эквивалентного ответа, вплоть до всеобщей

⁵⁷ NATO Archive, MCM-94-62, p. 5.

⁵⁸ Ibid., p. 4.

⁵⁹ Ibid., p. 6–7.

⁶⁰ Ibid., Appendix “A”, p. 11.

войны”⁶¹. Для уменьшения “дополнительного риска преждевременной эскалации”⁶² конфликта командующий объединенными силами НАТО в Европе подготовил дополнительные планы безъядерных воздушных операций меньшей интенсивности.

Помимо планов с использованием ВВС в НАТО были разработаны четыре варианта наземных операций. Они, по мнению военного командования НАТО, могли значительно улучшить, в случае успеха, стратегические позиции альянса в Центральной Европе. Впрочем, их недостатки явно перевешивали их достоинства. В альянсе не без оснований предполагали, что СССР может интерпретировать действия НАТО как атаку на стабильность созданной в Восточной Европе политической системы. Кроме этого, эти действия не могли стать неожиданными для противника в тактическом плане и, вследствие значительного численного превосходства советских войск в Восточной Европе над силами НАТО, шансы альянса на успех были весьма сомнительными. Поэтому в меморандуме Военного комитета НАТО прямо указывалось, что “в случае военного поражения будут серьезно ослаблены силы НАТО в секторе [Центральной Европы]”. Вероятными были также ответные наступательные операции сил ОВД против крупных городов ФРГ – Гамбурга или Мюнхена⁶³.

Планы наземных операций представляли собой ступени эскалации. Первой была операция под условным названием “Беркон Чарли 1”, предусматривающая наступление одной дивизии в направлении Хельмштедт–Берлин с целью захвата и удержания плацдарма на территории ГДР на берлинском направлении, чтобы продемонстрировать готовность стран НАТО в случае необходимости силой пробить дорогу к западной части города. По мнению военного руководства НАТО, при использовании относительно небольшого контингента войск возможность эскалации военного конфликта была менее вероятной⁶⁴.

План “Беркон Чарли 2” предусматривал атаку двух дивизий с аналогичной целью. Предполагалось оккупировать часть территории ГДР восточнее Касселя до линии Дудерштадт–Ворбис–Ванфрид. Операция “Беркон Чарли 3” предполагала боевое применение корпуса из четырех дивизий. Удар планировалось наносить в том же направлении: вдоль автомагистрали Берлин–Хельмштедт. С точки зрения натовских аналитиков, среди достоинств этого плана было то, что численность задействованных в операции войск предполагала большую возможность продвижения в направлении Западного Берлина и, в случае успеха, демонстрации готовности восстановления доступа к анклаву по суше. Среди недостатков “Беркон Чарли 3” отмечалась возможность больших потерь в случае неудачи этой операции, что привело бы к уменьшению численности войск, предназначенных для ведения всеобщей войны⁶⁵.

План “Беркон Чарли 4” в качестве цели предполагаемого наступления предусматривал захват и удержание возвышенностей тюрингского леса – стратегически важного района для ОВД. В случае успеха этой операции оборонительные позиции НАТО значительно усиливались. Впрочем, отмечался и значительный риск того, что эта операция будет воспринята в Москве как начало крупномасштабного наступления НАТО против Восточной Германии⁶⁶.

Военно-морские операции имели в глазах натовских аналитиков преимущество над наземными, так как флот НАТО превосходил военно-морские силы стран ОВД. Помимо этого военные действия на море уменьшали вероятность немедленной эскалации конфликта и трансформации его во всеобщую ядерную войну. Но у планов военно-морского реагирования были и свои недостатки. Натовскими аналитиками отмечался ограниченный характер возможных акций: только водное пространство. Кроме того, принимались

⁶¹ Ibid., p. 11–12.

⁶² Ibid., MCM-94-62, Enclosure 1, p. 18–19.

⁶³ Ibid., MCM-94-62, p. 7.

⁶⁴ Ibid., Appendix “A”, p. 12–13.

⁶⁵ Ibid., p. 14.

⁶⁶ Ibidem.

в расчет вероятные ответные действия со стороны советского подводного флота, что могло “привести к большим потерям и необходимости применения ядерного оружия на море и против баз советских субмарин”⁶⁷.

В НАТО было разработано несколько вариантов морских операций. Они подразделялись на проводимые в зоне ответственности командования объединенными силами НАТО в Европе (“Беркон Дельта”) и в зоне ответственности в Атлантике (“Маркон”). О плане “Беркон Дельта” известно немного. По меморандуму Постоянной группы Военного комитета, направленному Генеральному секретарю альянса 28 августа 1962 г. и посвященному оценке планов действий в берлинском вопросе, можно судить лишь о том, что предполагалось перекрыть для советских кораблей выходы из Балтики и Черного моря⁶⁸.

Вторая категория планов получила более детальную разработку. Как и на суше, предусматривались “ступени эскалации” боевых действий. Так, план “Маркон 1” предусматривал сопровождение советских торговых судов в ряде районов мирового океана – это была самая мягкая из предполагаемых мер⁶⁹. План “Маркон 2” основывался на таких же мерах в отношении советских военных кораблей⁷⁰. “Маркон 3” предполагал более агрессивные действия: “мешать и напрямую досаждают определенным судам советского блока во время исполнения ими своих функций”⁷¹. Указывалось, что подобные действия вряд ли приведут к ширококомасштабной эскалации, поэтому вполне уместны в условиях обострения конфликта в Европе. Впрочем, отмечалось и то, что военный эффект от подобного рода мероприятий незначителен.

Гораздо более рискованными были другие планы этой серии. “Маркон 4”, например, предусматривал взятие на abordаж и принудительный досмотр торговых судов СССР и социалистических стран⁷²; “Маркон 5” заключался в их прямом захвате и конфискации⁷³.

В примечаниях к описаниям военных планов упоминалось, что “такие действия по международному морскому праву в мирное время признаются незаконными”. Целями этих операций были: определение наличия компонентов оружия массового уничтожения и других военных материалов на борту советских судов, также приостановка доставки стратегических грузов в определенные страны и уменьшение тоннажа флота СССР и его союзников. Подчеркивалась большая вероятность неконтролируемой эскалации военных действий в случае применения таких мер.

Планы действий в Атлантике выходили за рамки регионального противостояния военных блоков. Возможно, эти планы создавались не только с целью применения для снятия блокады Берлина, но и с учетом возможной конфронтации в будущем. Косвенным доказательством этому служит план “Маркон 6”. Он заключался в недопущении судов социалистических стран в определенные районы мирового океана. Как отмечалось в меморандуме Военного комитета НАТО, “этот план может иметь большее психологическое отношение к Берлину, чем остальные”⁷⁴. Сценарий этой операции напоминает введенный США в октябре 1962 г. “карантин” с целью не пропустить советские военные поставки на Кубу. Таким образом, Берлинский кризис перекликается с Карибским. Подтверждением этому служит особая заинтересованность военного командования НАТО в планах типа “Маркон 6”. Постоянная группа Военного комитета сделала запрос командующему объединенными вооруженными силами НАТО в Атлантике на получение дополнительной информации об этом плане и возможностях его использования⁷⁵.

⁶⁷ Ibid., MCM-94-62, p. 8.

⁶⁸ Ibid., Enclosure 3, p. 17.

⁶⁹ Ibid., Appendix “A”; p. 15.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Ibid., p. 15–16.

⁷³ Ibid., p. 16.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Ibid., MCM-94-62, Enclosure 3, p. 23.

В качестве одного из средств демонстрации решимости предполагалось задействовать и планы применения ядерного оружия. По мнению натовских аналитиков, их «избирательное использование... будет, прежде всего, политическим и психологическим по своей природе действием... Эти демонстрационные планы разработаны сейчас без какого-либо военного значения. При определенных обстоятельствах было бы своевременным создать многоступенчатую последовательность от ударов “без цели” до ограниченных военных целей и возможной... поддержки военной операции»⁷⁶. Применительно к Берлинскому кризису был разработан план под кодовым названием “Беркон Bravo”. Он заключался в проведении пяти ядерных ударов низкой интенсивности, направленных на военные объекты противника. Важно подчеркнуть, что эти цели находились вне зоны вероятного конфликта.

То, что этот план не был единственным, косвенно подтверждает выдержка из меморандума Военного комитета НАТО. Этот план, гласил меморандум, “прост для выполнения и включает меньший риск для эскалации всеобщей войны, чем ядерные версии других планов, которые прямо направлены на достижение военных целей”⁷⁷. В НАТО понимали, что проведение таких мероприятий может привести “к серии обмена ударами, которую будет трудно остановить”. Чтобы уменьшить риск ядерной войны, командующий силами НАТО в Европе послал Военному комитету альянса на разработку ядерных ударов “без цели”. Планировалось, что эти удары будут наноситься над советскими территориальными водами по соседству с военными объектами⁷⁸.

Реакция НАТО на события вокруг Берлина и разработка альянсом связанных с Берлинским кризисом военных планов вызывали опасения ряда членов Североатлантического блока. Так, Италия заявляла, что «предупредительные меры, которые планируется принять до реализации планов “Беркон”, настолько серьезны, что могут поставить под вопрос постепенные и гибкие аспекты самих планов»⁷⁹. Нидерландские представители отмечали, что разрабатываемые планы в случае обострения обстановки в Берлине “могут иметь тенденцию превысить цели чрезвычайных мер. Это особенно относится к морским и, в меньшей степени, к военно-воздушным планам”⁸⁰. Мнения же четырех ведущих держав НАТО – США, Великобритании, Франции и ФРГ – разделились: США и Великобритания делали основной упор на воздушные и морские операции, в то время как ФРГ, поддерживаемая Францией, настаивала на использовании сухопутных сил.

Кроме того, в НАТО осознавали и “технические” проблемы реализации намеченных планов. Позднее, в ноябре 1965 г., когда во время натовских учений “Фаллекс-64” отрабатывались разные сценарии операций, касающихся Берлина, отмечалось, что “цели... обстоятельства... и процедуры, при которых страны, подвергающиеся угрозе, используют эти [натовские. – А.В.] силы, не вполне ясно понимались участниками”⁸¹.

Комплекс планов и мероприятий НАТО, связанных с Берлинским кризисом, рассматривался как крайне важный для Североатлантического альянса. Разработка военных операций различных типов, проведение учений (в том числе и широкомасштабных), отказ от массированного ядерного удара на ранней стадии конфликта и появление проектов избирательного использования ядерного оружия составляли основу новой американской стратегической концепции – “гибкого реагирования”. Такой подход становился для альянса общим. Об этом, в частности, свидетельствует один из рабочих документов НАТО. В нем говорилось, что “особые обстоятельства, относящиеся к Берлину, требуют, чтобы этот потенциально конфликтный вопрос рассматривался как особый фактор стратегии”⁸².

⁷⁶ Ibid., p. 8–9.

⁷⁷ Ibid., Appendix “A”, p. 17.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Ibid., MCM-94-62, Enclosure 2, p. 19.

⁸⁰ Ibid., Enclosure 3, p. 20.

⁸¹ Ibid., MC 43/17, p. 13.

⁸² Ibid., MC 100/1 DRAFT FINAL, p. 6–7.

Как показали события 1958–1961 гг., Североатлантический блок был в гораздо большей степени готов к кризису в политическом плане, чем в военном. Неуклонное ухудшение ситуации вокруг Западного Берлина с осени 1958 г. в известной степени облегчило задачу союзникам по НАТО, а жесткая позиция Москвы усилила центристские тенденции в альянсе. За время Женевских переговоров 1959 г. его члены успели выработать общую позицию, которой и придерживались в ходе диалога с СССР. Однако когда интенсивность кризиса стала стремительно возрастать и увеличилась вероятность его перехода в военную фазу, альянс оказался не готов к такому развитию событий.

Хотя НАТО и ее лидер – США, продемонстрировали готовность применить, в случае необходимости, вооруженные силы, они не имели четкого сценария действий в сложившейся ситуации. Союзники по НАТО пережили в августовские дни 1961 г. своеобразный “стратегический кризис”, поскольку принятая в 1957 г. на вооружение НАТО доктрина “массированного возмездия” устарела и не отвечала требованиям времени, а альтернативы ей еще не существовало.

Этим обстоятельством можно объяснить ускоренную разработку серии военных планов сразу же после окончания активной фазы второго Берлинского кризиса. Одновременно с поиском компромисса на дипломатическом фронте, происходило активное переосмысление военно-стратегических уроков кризиса. Все обсуждавшиеся сценарии подчинялись внутренней логике: предполагалось использование только обычных вооруженных сил (сухопутных, воздушных, морских) на первом этапе, постепенная эскалация конфликта и лишь затем, в случае необходимости и при отсутствии других вариантов, – применение ядерного оружия, причем в виде не единственного сокрушающего удара, а нескольких тактических взрывов малой и средней мощности.

Таким образом, в НАТО закладывалась основа для разноплановой реакции на возможные действия СССР в военной сфере. Вскоре такой подход дал первые результаты: план “Маркон 6” был реализован в октябре 1962 г. во время Карибского кризиса.

Эти планы содержали существенные недостатки. При их анализе складывается ощущение, что Североатлантический альянс готовился к ведению ограниченной войны в Европе и стремился контролировать эскалацию военных действий, чтобы избежать перерастания войны в Центральной Европе в глобальную.

С одной стороны, в условиях “холодной войны” говорить о локальном конфликте на европейском континенте, тем более в Германии, и при этом надеяться на то, что можно будет не допустить ядерную катастрофу, было самонадеянно. С другой стороны, очевидно, что ничего иного НАТО в то время предложить не могло. За короткий срок ликвидировать разрыв между НАТО и ОВД в области обычных вооружений было невозможно. В то же время, была необходимость иметь план действий на случай ухудшения ситуации в Центральной Европе.

Движение в обоих направлениях – дипломатическом и военно-стратегическом, которое НАТО предприняло сразу после резкого обострения ситуации вокруг Западного Берлина в августе 1961 г., в итоге принесло свои результаты, хотя на это и потребовалось время, а также наличие конструктивной позиции СССР. Так, в политическом плане в 1971 г. Четырехсторонним соглашением был окончательно урегулирован вопрос о судьбе западно-берлинского анклава. В военной области НАТО, после продолжительных дискуссий, приняло в 1967–1969 гг. на вооружение доктрину “гибкого реагирования”, которая в большей степени отвечала положению дел на международной арене и объективно уменьшала риск полномасштабной ядерной войны.